

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ КОД В ЭЛЕГИИ В. БРЮСОВА
«ВОЗВРАЩЕНИЕ»

С. Ю. Артёмова, А. В. Мошкова

Тверской государственный университет, г. Тверь

Статья посвящена проблеме определения роли мотива еды в жанре элегии на примере стихотворения В.Я. Брюсова «Возвращение». Жанр рассматривается как определенный тип строить и завершать целое, а также как информация о способе понимания этого целого, маркеры смысла. Речь идет о жанровой трансформации элегии рубежа XIX–XX. Большую роль в трансформации играет жанровое заглавие и иные жанровые маркеры, такие как мотивы памяти и гастрономические мотивы.

Ключевые слова: жанр, лирические жанры, элегия, гастрономические мотивы, мотив, трансформация жанра, поэзия, В.Брюсов.

Жанры лирики на сегодняшний день находятся в активном изучении, среди исследователей элегии целая плеяда филологов: И.Л. Альми [1], А.А. Боровская [3], В.Э. Вацура [5], В.А. Грехнев [6], Г.А. Гуковский [7], С.И. Ермоленко [8], И.В. Козлов [9], Г.В. Москвичева [10], С.Р. Охотникова [11], В.И. Тюпа [12], Л. Флейшман [13], Л.Г. Фризман [15] и др. Однако некоторые аспекты элегического дискурса остаются недостаточно исследованными, в частности, таким «забытым» мотивом является гастрономический мотив, и данная статья посвящена восполнению части этого пробела.

В русской жанровой традиции элегия в сознании авторов и читателей связана с особым эмоциональным настроем (печаль) и, соответственно, имеется ряд мотивов и образов, этот настрой провоцирующих: «ряд традиционных элегических локусов (кладбище, руины и т.п.)» [12, с. 135]. Тоска героя по уходящему времени воплощена во многих традиционных и продуктивных в последующие годы для элегий образах: слез, разлуки, смерти, но они не становятся жанрообразующими. «В качестве жанровых доминант элегии можно назвать элегический хронотоп, основанный на совмещении временных планов (прошлого и настоящего), замкнутость, закрытость, медитативность, переходность элегического состояния, смешанную природу чувств лирического субъекта. Гармония противоречий, лежащая в основе эстетической концепции жанра, реализуется в субъектной организации произведения: носителем речи является условное элегическое «я», которое характеризует отчужденность от лирического

© Артёмова С. Ю., Мошкова А. В., 2025

настоящего и некоторая ироничность. Традиционализм жанровой формы элегии выражается в известной формульности (образы «забвенья» и «прекрасного света», тумана и кладбища, «бледной луны» и «уходящего солнца», вечера и заката) и устойчивости мотивного комплекса (мотивы одиночества, странничества, изгнания, бренности человеческого существования, воспоминания об ушедших годах), что обусловлено дистанцированностью субъекта от непосредственного переживания, определенной условностью и театрализованностью рефлексии» [3, с. 11].

Но образы эти не становятся обязательными жанрообразующими признаками, а лишь указывают на специфику лирического субъекта-странника, одинокого и бесприютного скитальца, тоскующего по прошлому и утраченному, осознающему не-идеальность жизни. В этом смысле элегия соотносится с идиллией: «Идиллию следует признать одним из «вторичных» истоков элегического жанра, поскольку элегии Нового времени часто строятся на отталкивании от идиллического мировосприятия» [Там же, с. 36].

Одним из мотивов, перешедших в элегию из идиллии, является мотив пира и поглощения пищи.

Еда, пир, винопитие – неотъемлемые элементы обрядности, восходящие к первобытному мышлению; процессы, знаменующие жизненный цикл, действие космогенного свойства: «Еда, – центральный акт в жизни общества – осмысливается космогонически; в акте еды космос (=тотем, общество) исчезает и появляется» [14, с. 64]. Поглощая пищу, дарованную землей, человек сливается воедино с почвой. Исторгая переработанную еду – возвращает то, что он взял извне, то есть из чрева природы: «Поэтому и основные события в жизни гротескного тела, акты телесной драмы – еда, питье, испражнения (и другие выделения: потение, сморкание, чихания), совокупление, беременность, роды, рост, старость, болезни, смерть, растерзания, разъятие на части, поглощение другим телом – совершаются на границах тела и мира или на границах старого и нового тела; во всех этих событиях телесной драмы начало и конец жизни неразрывно между собою сплетены» [2, с. 352]. Жизнь и смерть коррелируют, представляя собой некое противоречивое тождество; смерть неразрывно связана с плодородием и бессмертием, возвратом «из нового состояния в старое и из старого в новое» [14, с. 63]. Пир – празднество вечной жизни, напрямую связанное и с библейским мифом (вечное пиршество в Царствии Небесном), и с языческим.

На протяжении столетий мотив еды переосмыслился в рамках литературного процесса, вбирая в себя новые семантические крупинки. На рубеже XIX – XX веков обращение к пиру как к форме архаического мировосприятия актуально в связи с болезненными общественными умонастроениями. Пир переходит в категорию символа, своей многоплановостью затрагивающего все аспекты этого ритуального действия.

Говоря о пире как символе, необходимо обратиться к символистской школе с обширностью ее космологического сознания. Поэзия В. Брюсова – пласт, на котором, приобретая декадентские очертания, развернулись все обрядовые функции пищи: рождение, смерть, гниение, воскрешение.

Специфику элегического дискурса можно увидеть на примере стихотворения Брюсова «Возвращение» (1900). В этом тексте, написанном на «вековой границе», пир знаменует наслаждение, веселье в традиции дионисийского культа, и лирический субъект не без усилия сбегает от «пышных брашен», желая пройти испытание, идя по стопам пушкинского пророка:

«Я убежал от пышных брашен,
От плясок сладострастных дев,
Туда, где мир уныл и страшен,
Там жил, прельщения презрев» [4, с. 141–142].

Первый катрен уже выстраивает четкую оппозицию «здесь – там», где «здесь» – это мир дикого сладострастия, а «там» – мир унылый, страшный. Элегический герой не ощущает себя своим ни здесь, ни там.

Лексема «брашна» восходит к текстам В. Жуковского (баллада «Роланд оруженосец»: «Огромный стол трещал от брашен...») и А. Пушкина (поэма «Руслан и Людмила»: «Сидят три витязя младые;/ Безмолвны за ковшом пустым,/ Забыли кубки круговые,/ И брашна неприятны им...»). *Брашна* – устаревшее слово, имеющее значение «пища, яства, кушанье» – символизирует эпоху поэтов-романтиков; пышное прошлое, приближенное к соблазнительной легкости древности.

И у Пушкина, и у Жуковского, в свою очередь, проступают библейские мотивы, сопряженные с фольклором: и в «Роланде оруженосце», и в «Руслане и Людмиле» брашна являет собой символ божественного (Троица в лице трех витязей у Пушкина и Карл Великий как Бог у Жуковского). Наблюдается следование традиции древности, отразившееся и в тексте Брюсова, где брашна – часть мира вечного.

Второй, третий и четвертый катрены – описание скитаний лирического субъекта, его участи мученика, решившего приобщиться к небесному путем лишения себя благ мира «сладострастных дев». На него ежедневно глядели «крылато-радостные лики с довременных стен» – херувимы и серафимы (эпитет «крылато-радостные»), явившие себя отшельнику, странствующего между стенами, воздвигнутыми еще до сотворения мира (эпитет «довременные»).

Прикоснувшись к потустороннему, лирический субъект «много зим... был в пустыне, покорно преданный Мечте». Интересно, что в качестве календарного маркера Брюсов выбрал именно зиму, которая, вплетаясь в образную цепочку, формирует гнетущую картину измерения «там» («уныл и страшен», «норы давней мглы», скалы, орлы, пустыня). И

в этом пространстве лирический субъект слышит глас: «Но был мне глас. И снова ныне / Вы зрите в суе меня».

Визуально автор никак не выделяет лексему «глас», размывая ее значение. Если семантика Мечты, чья важность подчеркнута прописной буквой, очевидна, то глас – туманен. Мечта – категория прекрасного, поэтического; то, ради чего лирический субъект страдает, едва вынося добровольные лишения, вызывая у себя искусственное презрение мира дев и брашен. Глас выдергивает его из изгнания, нарушая молчание и насильно возвращая на стезю, с которой поэт бежал.

Немаловажна система пространственных координат: по ходу стихотворения приходит осознание, что миры «здесь» и «там» находятся на одной плоскости, так как глагол «убежать» указывает на перемещение по горизонтальной поверхности, а строки из пятого катрена подтверждают, что все это время лирический субъект находился бок о бок с измерением, откуда бежал, гонимый желанием слиться с Мечтой, то есть приобщиться к Космосу, что и было целью философского учения символистов.

Пятый катрен раскрывает смысл заглавия, вводя мотив возвращения: «Надел я прежнюю порфиру, / Умастил миром волоса. / Едва предстал я, гордый, пиру, / “Ты царь!” – решили голоса».

Порфира – мантия монарха – дополняется образом мирры – ритуальным элементом обряда погребения, а также знаком страдания Христа. Поэтическое тщеславие, свойственное лирическому субъекту Брюсова и восходящее к романтической традиции непонятого окружением поэта-изгнанника, скрашивается мотивом страдания, добровольного изгнания и смерти, влекущей за собой перерождение, выступающее синонимом возвращения.

Лирический субъект – царь, причем таковым он считал себя и до пустынных скитаний («прежняя порфира»). Обратившись к лексической паре «мирра – царь», можно сделать вывод, что эгоцентрическое «я» стихотворения Брюсова приравнивается к фигуре Царя Небесного, вбирает в себя и христианское, и языческое. Перерождение – возвращение Христа в обитель Отца и в то же время – восстание Диониса, чей праздник также основан на жертвоприношении и воскрешении.

«Царицы веселой пляски» – невесты Господни и вместе с тем – древнегреческие нимфы, среди которых Иисус – он же Дионис – выбирает одну, чья ласка – «безвольная весна». Важно традиционное противопоставление «весна – зима»: зима равна году в пустыне, а весна – сладость девы. Обращаясь к своей избраннице, лирический субъект не оставляет сомнений, что миры – земной и небесный – представляют собой единое целое: «Ты – наяву, и ты – во сне...». Подобно Христу, вбирающему в себя и человеческое и божественное, он видит мир в гармонии.

Однако помимо воскрешения в стихотворении прослеживается и мотив конца света. В «Откровении» говорится: «И я, Иоанн, увидел свя-

той город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их» (Откр 21: 2–3). Единение мира земного и небесного чертога вводит апокалиптический элемент, свойственный поэзии рубежа веков.

Отказ от пышных брашен и возвращение к пиру становятся этапами авторефлексии героя, познающего свое истинное «я» в рамках «гармонии противоречий». Мотив возвращения (маркированный в заглавии) дополняется гастрономическим мотивом, вроде бы чуждым элегии. Однако пища становится своего рода причастием и знаком пересечения границы, лирический субъект не просто принимает пищу, но принимает с этой пищей себя самого.

Мотив пира в стихотворении «Возвращение» позволяет судить о фольклорно-мифологическом уровне, выведенном Брюсовым для отражения многогранности мироустройства. Отказ от презренного мира реальности и возвращение к нему с новым взглядом подчеркнуты гастрономическими маркерами, которые органично усваиваются элегией.

Список литературы

1. Альми, И. Л. Элегии Е.А.Баратынского 1819–1824 годов (К вопросу об эволюции жанра) // Альми И. Л. О поэзии и прозе. Санкт-Петербург: Скифия. 2002. С.133–156.
2. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Художественная литература, 1990. 543 с.
3. Боровская, А. А. Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века : автореф. дис. ... д. филол. наук : 10.01.08. / А. А. Боровская; Астраханский государственный университет. Астрахань, 2009. 46 с.
4. Брюсов, В. Я. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. Москва: Художественная литература, 1973. 672 с.
5. Вацуро, В. Э. Французская элегия XVIII–XIX веков и русская лирика пушкинской поры // Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. Москва: Радуга, 1989. С. 27–49.
6. Грехнев, В. А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1985. 240 с.
7. Гуковский, Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. Москва: Языки русской культуры, 2001. 352 с.
8. Ермоленко, С. И. Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 1996. 420 с.
9. Козлов, В. И. Русская элегия неканонического периода: Очерки типологии и истории. Москва: Языки славянской культуры, 2013. 335 с.
10. Москвичева, Г. В. Жанрово-композиционные особенности русской элегии XVIII – первых десятилетий XIX века // Вопросы сюжета и композиции :

Межвузский сборник. Горький : Горьковский государственный университет, 1985. С. 33–50.

11. Охотникова, С. Р. Судьбы элегии в русской поэзии XX века (40-е годы). Йошкар-Ола : Марийский государственный университет, 1997. 123 с.
12. Тюпа, В. И. Дискурс / Жанр. Москва : Intrada, 2013. 211 с.
13. Флейшман, Л. Из истории элегии в пушкинскую эпоху // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. Москва : Новое литературное обозрение, 2006. С. 5–30.
14. Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра. Москва : Лабиринт, 1997. 448 с.
15. Фризман, Л. Г. Жизнь лирического жанра: Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. Москва : Наука, 1973. 166 с.

THE GASTRONOMIC CODE IN V. BRYUSOV'S ELEGY "THE RETURN"

S. Y. Artemova, A. V. Moshkova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the problem of determining the role of the motif of food in the genre of elegy using the example of V. Y. Bryusov's poem "The Return". Genre is considered as a certain type of building and completing the whole, as well as information about the way of understanding this whole, markers of meaning. We are talking about the genre transformation of elegy at the turn of the XIX–XX. The genre title and other genre markers, such as memory motifs and gastronomic motifs, play an important role in the transformation.

Keywords: *genre, lyrical genres, elegy, gastronomic motifs, motif, genre transformation, poetry, V. Bryusov.*

Об авторах:

АРТЕМОВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: svart1@yandex.ru

МОШКОВА Александра Вячеславовна – аспирант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: sasha.moshkova@yandex.ru

About the authors:

ARTYOMOVA Svetlana Yuryevna – Doctor of Philology, Professor at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: svart1@yandex.ru

MOSHKOVA Aleksandra Vyacheslavovna – Postgraduate Student at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (17010, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: sasha.moshkova@yandex.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.07.2025 г.

Дата подписания в печать: 15.09.2025 г.